

КТО ТАКОЙ ГУИ-ГУИДЖИ (ΓΚΟΥΙ ΓΚΟΥΙΤΖΗΣ), ИЛИ ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ГРЕКОВ МАЛОЙ АЗИИ¹

К. А. Климова

*МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
kaklimova@gmail.com*

Статья посвящена особенностям традиционной культуры греков Малой Азии, в частности, исследованию образа константинопольского духа-хранителя колодца Гуи-Гуиджи, упоминаемого в романе М. Иорданиду «Локсандра», связей малоазийской демонологии с общегреческой и турецкой мифологической традицией.

***Ключевые слова:** новогреческая народная мифология, демонология, фольклор, греческая традиционная культура, новогреческая литература, Малая Азия*

1. Введение. Особенности традиционной культуры греков Малой Азии

Традиционная культура Малой Азии является частью большого «греческого мира» наряду с другими греческими традициями, бытовавшими за пределами государственной территории Новой Греции (Кавказ, Северное Причерноморье, Южная Италия, Сирия и пр.) Однако ей присущи и специфические черты, сформировавшиеся в результате особого изолированного географического положения, а также как следствие длительных тесных контактов с турецкой культурой и турецким языком. В силу сложных исторических процессов XIX–XX вв., большую роль в которых сыграла Малоазийская катастрофа, культура и язык греков Малой Азии в настоящее время практически утрачены. Исключением является только понтийская культура, продолжающая свое развитие на новых террито-

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–012–00300 «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию».

ях и — в трансформированном виде — на исторических, то есть на территории современной Турции. Фиксация новогреческого фольклорного материала из Малой Азии проводилась в позднее время и велась преимущественно спорадически, многие сборники издавались уже во второй половине XX–XXI вв. в виде воспоминаний об утраченной родине выходцев из самых разных греческих городов: Смирны, Айвали, Самсуна, Константинополя (в качестве характерного примера можно указать работу известного греческого фольклориста Г. Экаμερινиса, посвященную Чесме [Αικατερίνης 1984]). Интересующие нас сведения по низшей демонологии, или народной мифологии, практически не отражены в этих материалах, однако в них можно почерпнуть сведения о прочих элементах традиционной духовной культуры, таких как календарная и семейная обрядность, традиционное право, социальная организация и пр.

2. Мифологические воззрения малоазийских греков

В современной греческой культуре существует расхожее представление о том, что у жителей Малой Азии были особые связи с потусторонними силами. Так, в новогреческой традиции популярен образ колдуньи из Смирны (см. роман М. Меймариди «Колдунья Смирны» [Μεϊμαρίδη 2002] и одноименный сериал 2005–2006 гг.²). Во многих произведениях греческой литературы также встречаются упоминания о том, что для снятия порчи или сглаза вплоть до конца XX в. приглашали представительниц малоазийской греческой культуры, которые, как считалось, обладали особыми знаниями. Возможно, это было связано с использованием ими в качестве «чужого» языка турецкого, а язык, который не был понятен жителям Греции, мог восприниматься как «тайный», «сакральный».

Частью мифологических воззрений является вера в чудесную охранительную силу оберегов и амулетов. У малоазийских греков, с одной стороны, обнаруживаются общие для всего греческого мира представления о том, что в качестве оберега от нечистой силы используются предметы, связанные с христианской религией, такие как крест, икона, святая вода и молитва, а также известные в Греции повсеместно такие обереги, как чеснок, молоко и мёд, красная нить, голубая бусина от сглаза, «глазик» (*ματάκι*), известный также в турецкой и других восточных традициях. Однако встречаются и специфические ритуальные магические пред-

² [<https://www.megatv.com/ekpompes/43295/mega-sex-oi-magisses-tis-smurnis/>].

меты, связанные с турецкой или даже шире — мусульманской традиций, например *то хераки της Παναγίας* (тур. *Kaf Maryam*, дословно «рука Богородицы») или *то родо της Παναγίας* дословно «роза Богородицы», ‘иерихонская роза’, или ‘перекати-поле’, растение, имеющее официальное латинское наименование *anastatica hierochuntica*. Это однолетнее травянистое растение небольшого размера, распространенное в пустынях Западной Азии, обладающее следующей способностью: при долгом отсутствии влаги листья растения опадают, стебли плотно сжимаются и одревесневают, затем высохшее растение отрывается от корня и перекатывает на дальние расстояния по пустыням, но если сухое растение положить в сосуд с водой, то в течение нескольких часов его стебли снова распрямляются, и на них появляются зеленые листья. Согласно народным воззрениям каппадокийских греков³, «рука Богородицы» могла использоваться не только как оберег, но и как специальный ритуальный предмет, связанный с женским здоровьем. Так, если женщина долго не могла забеременеть или заболела во время беременности, и также если роженица долго не могла разродиться, нужно было достать это растение, опустить его в воду и, по мере того, как растение распухало и «оживало», считалось, что женщину «отпустили» и ее проблемы.

В малоазийской культуре фиксируются специфические лексические (диалектные) варианты названия общегреческих мифологических персонажей. Так, святочные демоны, известные в Греции повсеместно под именем *Καλικάντζαροι*, в понтийском варианте имеют имена *Πιζήλά*, *Πίζουλα*, *Πίζελα*, *Πιζήαλα*⁴. Эти имена, по нашему мнению, восходят к понтийскому прилагательному *πιζήλος* ‘плохой, опасный, подверженный сглазу’⁵, которое, в свою очередь, возводится к среднегреческому прилагательному *επίζηλος* ‘завидный’, образованному от приставки *ἐπί* со значением «над» и *ζήλος* ‘рвение, усердие, ревность’. Все остальные характеристики, за исключением имени, у этих общегреческих и понтийских персонажей совпадают: время появления в мире людей

³ Подобные представления были зафиксированы автором статьи в с. Коница в 2012 г. в время поездки к семье преп. Паисия Святогорца, происходившей из каппадокийского села Фараса. В их семейном домашнем иконостасе, представляющем из себя треугольную полку для икон с закрывающимися дверцами, хранился такой цветок как семейная реликвия.

⁴ Информация с портала, посвященного понтийской культуре: [<https://www.lelevoe.gr/pizila-kalikantzaro-i-ston-ponto/>].

⁵ Понтийский онлайн-словарь: [<http://www.greeklanguage.ru/blog.html?start=110>].

(с 25 декабря по 6 января, то есть в Святочный период), особенности внешнего облика (сочетание зооморфных и антропоморфных черт), вредоносные действия по отношению к людям и особенно маленьким детям, пристрастие в сладкому и пр. Еще один мифологический персонаж, происходящий от мертвеца, который, по народным воззрениям, по ночам встает из могилы и бродит в мире людей, называемый в Греции *βρικόλακας* ‘вурдалак’, у понтийцев называется *χοτλάχ, χορτλάχ* или *κοτλάχ* [Еφραζίδης 2011: 302]. Эти имена восходят к турецкому *hortlak* ‘вурдалак, вампир, привидение’. Эти варианты понтийских названий «ходячего покойника» подтверждаются в том числе полевыми данными экспедиции автора в греческие села г. Сочи в 2022 г. (подробнее об исследовании см. [Климова, Никитина 2022]). В мифологическом словаре понтийской традиционной культуры фиксируется множество других турецких заимствований, как на уровне языка, так и на уровне культуры. Так, например, для обозначения ведьмы или колдуньи наряду с общегреческой лексемой *μάγισσα* (в понтийском диалектном варианте — *μάισσα*) использовался также вариант *τσαζού* (мн. ч. *τσαζούδες*) ‘ведьма’: «Οι Έλληνες χρησιμοποίησαν τον όρο με μεταφορική έννοια για να χαρακτηρίσουν μια γυναίκα πονηρή, ύπουλη, δολοπλόκα (*τσαζού γαρή*). «Ντο τσαζού έν’ ατέ, είνας Θεός εξέρ’ ατο!». «Άμον τσαζού έν’» (σαν μαγεύτρα είναι)» (Греки использовали слово в переносном значении, чтобы охарактеризовать женщину хитрую, подлую, злую (*ведьма такая*). «Что она за ведьма такая, один Господь только знает!». «Она как ведьма!») [Еφραζίδης 2011: 301]. Вместе с лексемой могли заимствоваться и некоторые другие характеристики мифологического персонажа, как, например, в случае с *περήδες* ‘пери, nereиды (?)’ (от тур. *peri* ‘пери, фея’), которые описываются следующим образом: «... φανταστικά πλάσματα, με μορφή ωραίας γυναίκας, με τη μόνη ιδιαιτερότητα ότι στα πόδια τους οι φτέρνες ήταν μπροστά και τα δάχτυλα πίσω. Ήταν μυστηριώδη άόρατα όντα, που δεν είχαν γεράματα και θάνατο. Κινούντουσαν πάνω στη γη και μπορούσαν να επικοινωνούν με τα διανοήματα, τις σκέψεις των ανθρώπων. Παντρεύόντουσαν νύχτα, με επιβλητικές γαμήλιες τελετές, άνδρες του δικού τους κόσμου, άόρατους φυσικά κι αυτούς» (... фантастические существа, в виде прекрасной женщины, с той только разницей, что у них на ногах пятки были спереди, а пальцы сзади. Это были загадочные невидимые существа, которые не знали старости и смерти. Они бродили по земле и могли общаться с помощью помыслов, челове-

ческих мыслей. Они устраивали свадьбы по ночам, пышные свадебные церемонии, с мужчинами из своего мира, которые, естественно, тоже были невидимые) [Εφρακίδης 2011 302]. С одной стороны, здесь отмечаются признаки, характерные для новогреческих *нерейд* [Климова 2009: 72–74], а с другой — характерные для турецких и — шире — мусульманских пери (о мифологических персонажах турецкого фольклора и их классификации см. [Фахриева, Давлетшина 2021]).

3. Гуи-Гуйджи (Γκωί Γκωιτζής): мифологический персонаж из романа М. Иорданиду «Локсандра»

На страницах романа М. Иорданиду «Локсандра» упоминается мифологический персонаж по имени *Гуи-Гуйджи* (Γκωί Γκωιτζής), сведения о котором отсутствуют в других источниках, однако его основные характеристики (место обитания, функции и предикаты, время активизации) указывают на его типологический характер.

Известная греческая писательница Мария Иорданиду (1897–1989) начала писать художественные произведения в возрасте 65 лет. Свою первую книгу, автобиографический роман «Локсандра» (1963 г.), М. Иорданиду посвятила любимой бабушке, которая была родом из Константинополя. Книга выдержала более 40 переизданий, была переведена на многие иностранные языки, экранизирована, по ее мотивам были поставлены театральные спектакли. На русском языке роман впервые вышел в издательстве «ОГИ» в 2021 г. [Иорданиду 2021]. В романе с юмором и обилием историческо-бытовых деталей описывается жизнь константинопольских греков в самом начале XX в. Читатель может получить информацию о том, как была устроена повседневная жизнь, что ели и что пили греки Константинополя, какие праздники отмечали, как глобальные исторические события оказывали влияние на частную жизнь обычного представителя греческой диаспоры.

Впервые мифологический персонаж Гуй-Гуйджи появляется в сцене, где Локсандра пытается выкопать померещившееся ей сокровище:

Кровь била Локсандре в голову, чуть ли не разрывала ее на части. Ну где же это слыхано? Что у тебя в подвале клад, а ты не можешь его выкопать! В присутствии других она не могла этого сделать, потому как, когда откапываешь клад, нельзя об этом ни рассказывать, ни разбалтывать налево и направо. Иначе клад обратится в пепел.

Одной спускаться ей было страшно. Пару раз она вставала ночью и пыталась было спуститься вниз, но оба раза возвращалась обратно ни с чем. Как только доходила до широкой ступеньки и видела перед собой этот огромный мраморный двор, ее охватывал смертельный ужас. Как же ей пробраться через этот двор, ведь под ним была цистерна. А в цистерне жил Гуй-Гуиджи.

— Гуй-Гуиджи! — говорила Локсандра, прикладывая палец к губам и закатывая глаза. — Тссс! Как бы он нас не услышал!

Кроме Гуй-Гуиджи, Локсандра боялась и ночного сторожа. Но его она боялась только ночью. У нее нуп от страха развязывался, когда она слышала, как тот часы напролет бродил совсем один по темным улочкам и отбивал своей колотушкой время, проходя по мостовой. Но утром, когда она видела, как он, несчастный, невыспавшийся, тащит на спине деревянную лестницу и ходит от фонаря к фонарю, чтобы погасить уличные лампы, утром она жалела его и торопилась сварить ему чашечку кофе.

— Али, эй, Али! Вот! Чтоб тебя! Иди-ка сюда, выпей кофе, бедолага.

И заводила с ним короткий разговор, наполовину по-турецки, наполовину по-гречески. [Иорданиду 2022: 52]

Из этого отрывка можно почерпнуть информацию о нескольких характеристиках Гуй-Гуиджи: место его постоянного обитания — внешнее пространство, вне дома, а именно расположенная под вымощенным камнем двором цистерна для сбора дождевой воды; время его активизации — ночь; его способность обнаруживать потенциальную жертву по звуку («как бы он нас не услышал»). О каких-либо чертах внешнего облика Гуй-Гуиджи речь не ведется, однако сразу после рассказа о мифологическом персонаже М. Иорданиду приводит сцену с турком-ночным сторожем, который тоже пугает Локсандру по ночам, но утром принимает облик несчастного невыспавшегося обычного человека, достойного жалости и угощения. Таким образом, Гуй-Гуиджи и турок-сторож оказываются в одной категории, объединенной общим концептом «чужой».

Далее мы узнаем, что Гуй-Гуиджи боится святой воды — одного из главных оберегов и способов борьбы с нечистой силой, поэтому Локсандра пытается припугнуть его после возвращения из церкви Богородицы Балуклиотиссы:

Дети подняли головы и посмотрели на нее.

«Какая же мама красивая!» — подумал Алексос.

— Ты в Балукли ходила? — спросила Кшио.

Локсандра улыbnулась. Глаза у нее блестели. Щеки покраснелись. Кожа была словно атласная.

— В Балукли ходила, — громко крикнула она в ответ, глядя во двор, туда, где была цистерна с Гуй-Гуйджи.

И еще раз, еще громче:

— Вот именно, ходила я в Балукли и принесла большую бутылку святой воды.

Она победоносно прошла к стулу и села за стол. [Иорданиду 2022: 59]

Имя Гуй-Гуйджи постепенно утрачивает индивидуальность и используется как метафорическое обозначение ночных страхов, как имя нарицательное, как собирательное, родовое имя, обозначающее всех демонов, всю «нечистую силу» в целом:

Очень любила это время Локсандра. Но еще она любила и вечера, когда перед тем, как лечь спать, она обходила весь дом, чтобы проверить, хорошо ли заперты все окна и двери. Когда она крепко-накрепко запирали свою дверь и ложилась в постель, все гуй-гуйджи оставались снаружи. Как же сладко было тогда лечь в постель! [Иорданиду 2022: 91]

Образ «колодезного демона» постепенно приобретает ностальгический характер, а мифологические воззрения Локсандры вписываются в общую теплую картину размеренной старой жизни:

В это время зимой Локсандра всегда сидела в своей низенькой комнатке.

Как же хорошо было тогда вернуться довольной к себе домой, сесть в уголке, посидеть, пока не стемнеет, зажечь лампы, подождать, пока все соберутся вокруг тебя.

А потом снова выйдет ночной сторож, выйдут и гуй-гуйджи, чтобы сделать твою постельную негу еще более нежной.

А потом спокойной ночи. И снова начнет сторож отстукивать своей колотушкой часы на перекрестках. [Иорданиду 2022: 93]

По мере развития сюжете к первоначальной локативной характеристике — локализации непосредственно в колодце-цистерне во дворе дома Локсандры — добавляется еще и необходимый признак общего внешнего пространства — сельская местность. При переезде семьи Локсандры из загородного села Макрохори в городской константинопольский район Пера Гуй-Гуиджи исчезают:

Ночь утратила свою резкость, а постель утратила свою сладость. Ни выложенного мрамором двора у дома, ни цистерны, ни колодца, откуда мог бы вылезти ночью хоть какой-никакой захудалый Гуй-Гуиджи, хоть бы попугать маленько! [Иорданиду 2022: 123]

Однако при возвращении главной героини на лоно природы мифологические персонажи снова активизируются. Так, когда соскучившаяся в городской суете и тесноте Локсандра едет навестить свою падчерицу Агафу, на страницах романа Гуй-Гуиджи появляется вновь:

С головой завернувшись в одеяла, они слушали, как капает дождь, слушали, как дует ветер. Затем послышались шаги Манольоса, и затем послышался звук большого железного амбарного замка на входной двери. Тук. Большой замок был заперт, и потихоньку шаги Манольоса удалились и растворились в темноте. И наступил час Гуй-Гуиджи. В доме у Агафы была и цистерна, и колодец. Веки Локсандры сладко сомкнулись, и она проспала так до самого утра. А когда проснулась, небо было чистейшим. Но холод усилился. [Иорданиду 2022: 146]

Итак, описанный в романе «колодезный дух», которого главная героиня Локсандра называет по-гречески *Γκović Γκοιτζής*, очевидно, был создан автором на основе детских впечатлений и рассказов, которые М. Иорданиду слышала от своей константинопольской бабушки.

В сборнике быличек Н. Политиса приводится текст из Константинополя, где описывается персонаж-хранитель колодца, который называется *βρωμιότηγυαδός* (от греч. *βρώμα* ‘грязь’ и *πηγάδι* ‘колодец’). Это имя можно интерпретировать и как часть внешней характеристики, поскольку он предстает в виде чернокожего арапа, а с другой, как имя с пейоративной окраской, где первая составляющая слова, корень — *βρώμ-* исполь-

зудется как ругательство со значением «плохой, дрянной» [Πολίτης 1904: 261]. Это еще одна вариация «колодезного духа».

4. «Колодезный дух» в турецких мифологических воззрениях⁶

В современной греческой народной демонологии персонажи с именем Гуй-Гуйджи не обнаруживаются, однако в турецкой и — шире — тюркской мифологии известны духи по имени *Kuyu İyesi* — «дух колодца». Подобные демоны известны туркам, азербайджанцам, татарам и алтайцам [Karakurt 2018: 34]. Очевидно, традиционное время активизации этого духа — ночь, поэтому Локсандра именно ночью старается избежать встречи с ним, опасаясь стать жертвой его вредоносного воздействия. В понтийском греческом для обозначения колодца бытует лексема *γολίν*, этимология которой также восходит к тур. *kuyu* [Зимов 2022: 132]. Возможно, именно такой эллинизированный фонетический вариант и использовала М. Иорданиду в своем романе.

Интересно, что в устах Локсандры второй компонент имени этого персонажа — Гуйджи (вероятно, от тур. *kuyucu*), то есть дословно «копатель колодцев», что, возможно, является отображением греческого варианта имени этого духа. С другой стороны, есть вероятность, что автор романа М. Иорданиду могла неточно передать услышанное от бабушки мифологическое имя.

В османском турецком встречаются также упоминания о мифологическом персонаже женского пола с именем *kuyu anası* (дословно «колодезная мать»), которым пугали непослушных детей (наряду с *Umacı* 'бука, бабайка'). Считалось, что «колодезная мать» может «выскочить», «схватить» и «съесть» непослушного ребенка. Запугивая ребенка, взрослые приговаривали: "*Umacı geliyor; kuyu anası çikıyor* (Бабайка приходит, "колодезная мать" выскакивает)". В древнетюркском находим глагол *Qıu* 'пугаться, шарахаться', напр. *At quiydi* — 'лошадь шарахнулась' [Древнетюркский словарь 1969: 464], который, возможно, также связан с представлениями об этом мифологическом персонаже.

⁶ Сердечно благодарю за помощь в работе с турецкими словарями и текстами коллег А. А. Леонтьеву и Ю. А. Аверьянова.

⁷ Онлайн-словарь османского турецкого языка: [https://lugat.osmanlica.online/?kelime=kuyu%20anas&kaynak=browser&sadecchattikuran=False&filitre=-&manadaara=True].

5. Мифологические «духи-хранители» колодца в общегреческой и славянской традиции

В других регионах греческого мира также фиксируются представления о мифологическом «духе-хранителе» колодца, который может называться *το στοιχειό του πηγαδιού*, то есть дословно «дух колодца» [Климова 2006: 119], *Αράρης* ‘арап’ (*Αραπάκος* ‘арапчик’) [Πολίτης 1904: № 433, 438, 440], *Νεράιδα* ‘нереида’ [Климова 2008: 72–74] или *Λάμια* ‘ламия’ [Ψυχουγιού 163–165]. По народным поверьям через колодцы проникают в мир людей и святочные демоны каликандзары [Πολίτης 1904: № 590]. Наиболее близким к описываемому М. Иорданиду персонажу является общегреческий Арап, который имеет ряд устойчивых признаков: локативную характеристику (колодец, цистерна для сбора дождевой воды), особенности внешнего облика (черного цвета, принадлежность к мужскому полу), одиночность персонажа, характерное время появления — ночь или полдень [Пономарченко 2003: 127–129].

Типологические представления о духах-хранителях колодца характерны и для славянской мифологической традиции: ср. болг. *stopан* и рус. *колодезник*, *колодечник*. В статье «Колодец» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» есть специальный раздел, посвященный духам, обитающим в колодце. В частности, там приводятся сведения о том, что у южных славян считалось, что там обитают женские мифологические персонажи вилы и самодивы, которые могут нанести вред человеку, потревожившему их танец или купание [Валенцова, Виноградова 1999: 538]. Однако помимо вредоносных предикатов, у мифологических хозяев колодцев в южнославянской традиции фиксируются и патронажные: болгарский *stopан* выступает таким хранителем, оберегающим колодец от любого плохого воздействия. Болгарский *stopан* мог принимать вид разных животных, рыбы, змеи, рака. У восточных славян колодец считался местом обитания водяного, русалки, бабы Яги, бабы-железнячки, жабы, деда с бородой и пр. [Валенцова, Виноградова 1999: 538].

6. Выводы

В силу поздней и спорадической фиксации греческого фольклорного и этнографического материала на территории Малой Азии в настоящее время сложно находить сведения по традиционной духовной культуре, особенно из сферы народной (низшей) демонологии, даже относительно недавнего времени (последних двух веков).

Рассмотренный мифологический персонаж, Гуй-Гуйджи, или «колодезный дух», органично вписывается в общую систему новогреческой народной демонологии, где духи-хранители природных локусов (арап, стихьо, nereиды, ламии) занимают отдельное место. Подобные представления имеют также более широкую географию распространения, поскольку сходные персонажи характерны также для южнославянской и для восточнославянской традиции, так что могут рассматриваться в том числе как типологические.

Имя персонажа Гуй-Гуйджи (Γκoυί Γκoυτζής), очевидно, было передано автором романа М. Иорданиду в искаженном виде и коррелирует с известными в турецкой народной мифологии именами мифологических персонажей, связанных с водой, типа *Kuyu Anası/İyesi*.

Роман «Локсандра» — художественное литературное произведение, продукт индивидуального авторского творчества, следовательно, сведения о Гуй-Гуйджи нельзя рассматривать как объективные фольклорные или этнографические данные, однако он все же представляется характерным персонажем, известным константинопольским грекам XIX — н. XX вв.

Необходимо проводить дальнейшие исследования традиционной культуры греков-выходцев из малоазийский регионов, преимущественно ориентируясь на те традиции, которые сохраняются по сей день. Именно их необходимо описать в первую очередь, пока еще живы носители языка и традиционной культуры.

Список литературы

- Большой русско-турецкий словарь.* Сост.: Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова. М.: Дом славянской книги, 2009.
- Валенцова М. М., Виноградова Л. Н.* Колодец // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Том 3. М.: Международные отношения, 1999. С. 536–541.
- Древнетюркский словарь.* Ред.: В. М. Наделев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969.
- Зимов Д. И.* Русско-понтийский словарь. Пятигорск: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 2022.
- Иорданиду М.* Локсандра. М.: ОГИ, 2021.
- Климова К. А.* Стихьо — дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые славянские параллели // Л. Э. Калнынь, М. И. Ермакова, Г. П. Клепикова (ред.). Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12.

- Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 114–131.
- Κλιμοβα Κ. Α. Женские персонажи в новогреческой мифологии // Традиционная культура, том 9, №4(32), 2008. С. 72–81.
- Κλιμοβα Κ. Α., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах 3–4, 2022. С. 249–260.
- Πлотникова Α. Α. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Ποномарченко Κ. Α. Восточные мотивы в новогреческой мифологии // И. Α. Седакова, Т. Β. Цивьян (ред.). В поисках «ориентального» на Балканах. Тезисы и материалы VII Балканских чтений. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 127–130.
- Ποντιϊκῆς ὀνλαϊν-σλοῦαρῆς. URL: <http://www.greeklanguage.ru/blog.html?start=110>.
- Φαχριεῦα Λ. Μ., Δαῦλετισινα Λ. Χ. Κ ῶπρῶсу о κλασσιφικασι мифολογικησ κη персонажей турецкого фольклора // Τυρκοлогικησ ισσελοῦασι, том 4, № 1, 2021. С. 7–20.
- Karakurt D. Turkish Mythology Dictionary. Concepts and Meanings. n.e., 2018.
- Lelevoze.gr. Πορταλ, ποσῶιαιεννηῆ ποντιῶσκῆς κῦλтураς. URL: <https://www.lelevoze.gr/pizila-kalikantzaroi-ston-ponto/>.
- Lugat Osmanlica Online. Ὀνλαϊн-σλοῦαρῆ ὀσманского турецкого язька. URL: <https://lugat.osmanlica.online/>.
- Αικατερίνης Γ. Χαμένες πατρίδες. Το χωριό μας η Αγία Παρασκευή του Τσεσμέ (το Κιοστέ). Σκιάθος: χ.ε., 1984.
- Εφραιμίδης Γ. Προλήψεις — δεισιδαιμονίες στον Πόντο (από το έργο του Ανανία Ν. Νικολαΐδη) // Ποντιακή Εστία 171, 2011. Σ. 301–302.
- Μειμαρίδη Μ. Οι Μάγισσες της Σμύρνης. Αθήνα: Καστανιώτης, 2002.
- Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Τόμος Α'. Αθήνα: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904.
- Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Τόμος Β'. Αθήνα: Γράμματα, 1994.
- Ψυχογιού Ε. Το πανηγύρι της Παναγίας της Λάμιας στα Διλινάτα στο πλαίσιο της «μεγάλης αφήγησης» για τη μητέρα-γη (εθνογραφικό ημερολόγιο επιτόπιας έρευνας) // Κυμοθόη. Περιοδική έκδοση συνδέσμου φιλολόγων Κεφαλονιάς — Ιθάκης [Αργοστόλι] 20, 2010. Σ. 163–200.

Who is Guy-Guidzi, or Features of the mythological views of the Greeks of Asia Minor⁸

K. A. Klimova

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kaklimova@gmail.com*

The article is devoted to the peculiarities of the traditional culture of the Greeks of Asia Minor, in particular, to the study of the image of the Constantinopolitan guardian spirit of the well, Guy-Guidzi, mentioned in the novel by M. Iordanidou “Loksandra”. As well as to the connections of Asia Minor demonology with the general Greek and Turkish mythological tradition.

Keywords: *Modern Greek mythology, demonology, folklore, traditional Greek culture, Modern Greek literature, Asia Minor*

References

- Bolshoy russko-turetskiy slovar.* Eds.: N. N. Bogochanskaya, A. S. Torgashova. Moscow: Dom slavyanskoj knigi, 2009.
- Valentsova M. M., Vinogradova L. N. Kolodets* // N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti. Yetnolingvisticheskiy slovar.* In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999. P. 536–541.
- Drevnetyurkskiy slovar.* Eds.: V. M. Nadelev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad: Nauka, 1969.
- Zimov D. I. Russko-pontiyskiy slovar.* Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2022.
- Iordanidu M. Loksandra.* Moscow: OGI, 2021.
- Klimova K. A. Stikho — dukh-pokrovitel mesta v novogrecheskoj mifologii i nekotorye slavyanskiye paralleli* // L. E. Kalnyn, M. I. Yermakova, G. P. Klepikova (eds.). *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii.* Vol. 12. Arealnyye aspekty izucheniya slavyanskoy leksiki. Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, 2006. P. 114–131.
- Klimova K. A. Zhenskiye personazhi v novogrecheskoj mifologii* // *Traditsionnaya kultura*, vol. 9, №4(32), 2008. P. 72–81.

---

⁸ Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Fundamental Researches, project No. 20–012–00300 “Lower Slavic Mythology: New Methods and Approaches to Research”.

- Klimova K. A., Nikitina I. O.* Traditsionnaya kultura i yazyk «russkikh grekov» g. Sochi: obzor yetnolingvisticheskoy yekspeditsii // *Slavyanskiy almanakh* 3–4, 2022. P. 249–260.
- Plotnikova A. A.* Yetnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii. Moscow: Indrik, 2004.
- Ponomarchenko K. A.* Vostochnyye motivy v novogrecheskoy mifologii // I. A. Sedakova, T. V. Tsivyan (eds.). V poiskakh «oriyentalnogo» na Balkanakh. Tezisy i materialy VII Balkanskikh chteniy. Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, 2003. P. 127–130.
- Pontiyskiy onlayn-slovar.* URL: <http://www.greyeklanguage.ru/blog.html?start=110>.
- Fakhriyeva L. M., Davletshina L. Kh.* K voprosu o klassifikatsii mifologicheskikh personazhey turetskogo folkloru // *Tyurkologicheskiye issledovaniya*, vol. 4, № 1, 2021. P. 7–20.
- Karakurt D.* Turkish Mythology Dictionary. Concepts and Meanings. n.e., 2018.
- Lelevoze.gr.* Portal, posvyashchennyy pontiyskoy kulture. Available at: <https://www.lelevoze.gr/pizila-kalikantzaroi-ston-ponto/>.
- Lugat Osmanlica Online.* Onlayn-slovar osmanskogo turetskogo yazyka. Available at: <https://lugat.osmanlica.online/>.
- Aikaterinis G.* Chamenes patrides. To chorio mas i Agia Paraskefi tou Tsesme (to Kioste). Skiathos: n.e., 1984.
- Eframidis G.* Prolipseis — deisidaimonies ston Ponto (apo to ergo tou Anania N. Nikolaidi) // *Pontiaki Estia* 171, 2011. P. 301–302.
- Meimaridi M.* Oi Magisses tis Smyrnis. Athens: Kastaniotis, 2002.
- Politis N. G.* Meletai peri tou viou kai tis glossis tou ellinikou laou. Paradoseis. Vol. 1. Athens: P. D. Sakellariou, 1904.
- Politis N. G.* Meletai peri tou viou kai tis glossis tou ellinikou laou. Paradoseis. Vol. 2. Athens: Grammata, 1994.
- Psychogiou E.* To panigyri tis Panagias tis Lamias sta Dilinata sto plaisio tis «megalis afigisis» gia ti mitera-gi (ethnografiko imerologio epitopias erevnas) // *Kymothoi*. Periodiki ekdosi syndesmou filologon Kefalonias — Ithakis [Argostoli] 20, 2010. P. 163–200.